

УДК 398.22(=512.157):81'37
DOI 10.25587/t5491-0740-8768-o

М. Т. Сатанар

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ ЗАЧИНА В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО «СТРОПТИВЫЙ КУЛУН КУЛЛУСТУУР»

Аннотация. В условиях актуализации междисциплинарных исследований фольклора, когда наука о народном творчестве развивается в тесном контакте с лингвистикой, семиотикой, культурологией и т. д., своевременным представляется изучение содержательного аспекта эпоса олонхо на стыке разных наук. В статье рассматривается семантическое пространство языка архаического эпоса олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова, записанный В. Н. Васильевым в 1906 г. Предметом исследования служат бинарные оппозиции, предшествующие появлению мотивов фольклорного текста, являющиеся компонентами традиционного мифоэпического мира якутского олонхо. Цель исследования – реконструировать процесс семантизации, символизации предметов, а далее показать сюжетообразующую роль семантических оппозиций в организации эпического текста. В работе применены междисциплинарный подход, лексико-семантический, структурно-семиотический, индуктивный анализы, а также метод герменевтики. В результате исследования выявлено: семантика предметов определяется их признаками в зависимости от ситуации или контекста; динамическая природа членов оппозиций отражает различие в отношениях, степенях сопоставления между полярностями, приводящих к аксиологизации; оппозиции выстраиваются вокруг единого ствола – миротворения, предстающего «генеративной семантикой» (термин А. Ж. Греймас) хронотопа развития дальнейших эпических событий. Новизна исследования заключается в обобщенном анализе зачина олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур», актуализирующего разграничение символов от метафор, шире – семантическую и структурную значимость начального элемента эпического произведения по отношению ко всему корпусу эпоса. Проведенный анализ задает вектор для последующих исследований – в направлении верификации культурной семантики предметов, носящих в себе установки народного сознания и поведения.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, мотив, мифологические представления, эпическая формула, признак, семантика, коннотация, символизация.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-генетический аспекты».

М. Т. Сатанар

Semantic oppositions of introductions in Yakut olonkho “Kulun Kullustuur the Rude”

Abstract. The article discusses the semantic space of the language of the archaic epic olonkho “Kulun Kullustuur the Rude” by I. G. Timofeev-Teploukhov. The subject of the research is binary oppositions that take precedence of the motives appearance in the folklore text, which are components of the traditional mythoepeic world of the Yakut olonkho. The purpose of the study is to reconstruct the process of semantization, symbolization of objects by identifying taxonomic and semantic types of oppositions, and then to demonstrate the plot-forming role of semantic oppositions in the organization of an epic text. In work the interdisciplinary approach, semantic, functional, inductive analysis, descriptive method are used. As a result of the study, it was revealed that the semantics of objects is determined by their features depending on the situation or context, and the dynamic nature

САТАНАР Марианна Тимофеевна – канд. филол. н., научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: satanar68@mail.ru

SATANAR Marianna Timofeevna – Candidate of Philological Sciences, Researcher, Sector of Olonkho Studies, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: satanar68@mail.ru

of opposition members reflects the difference in relations, degrees of comparison between polarities, leading to axiologization, eventually establishing the line-up of oppositions around a single trunk – the world creation, which comes across “generative semantics” of the development chronotopos of the further epic events. The novelty of the research lies in the generalized analysis of the introduction of olonkho, which actualizes the differentiation of symbols from metaphors, more broadly – the semantic and structural significance of the initial element of the epic in relation to the entire body of the epic. The performed analysis sets a vector for further research – in the direction of verifying the cultural semantics of objects that carry the attitudes of folk consciousness and behavior.

Keywords: binary oppositions, motive, mythological representations, epic formula, sign, semantic, connotation, symbolization.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the NEFU research project “Epic monument of the intangible culture of the Yakuts: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

Введение

В якутской эпосоведческой науке остается недостаточно изученным раскрытие механизмов символизации образов предметов и явлений окружающей действительности, характеризующихся различными предикатными свойствами (признаками). В изучении национальной картины мира важно понять, как тот или иной предмет приобретает свое символическое значение, априори связанное с верификацией его мифологических корней. Теоретико-методологической основой исследования послужили научные изыскания К. Леви-Стросса, Е. М. Мелетинского, В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, С. М. Толстой и др. Среди якутских исследователей семантический инструментарий якутского фольклора раскрывается в трудах Л. Л. Габышевой, Л. Н. Семеновой, Е. И. Избековой и др., отдельные разрозненные исследования по языку, символике рассматриваемого олонхо «Строптивный Кулун Куллуштуур» произведены Л. М. Готовцевой, Е. С. Куприяновой и др. Объектом исследования выбран зачин якутского эпоса «Строптивный Кулун Куллуштуур» – классический вариант эпических памятников народа саха, опубликованный еще в 1916 г. в «Образцах народной литературы якутов» под редакцией Э. К. Пекарского. Согласно вычленению мотивов эпического зачина олонхо, произведенного А. А. Дмитриевой [1, с. 198], семантическому и функциональному анализу подвергается следующая последовательность мотивов зачина олонхо «Строптивный Кулун Куллуштуур»: время первотворения; конь героя; внешность героя; его происхождение; его одежда, доспехи; родная страна; его жилище. На этом «описательная статика» заканчивается и переходит «к сюжетной динамике» (С. Ю. Неклюдов), выступающей сигналом завершения вводной части эпоса. Отделение зачина как сюжетно-тематической обособленной части от общего корпуса олонхо вызвано стремлением актуализации космологической (мифологической) темы в эпосе.

Бинарную природу психофизиологической организации *homo sapiens* принято считать универсальным средством в познании окружающей действительности. Известно, что в фольклорных текстах взаимодополняющими и взаимоопределяющими лексическими единицами выступают предметы и предикаты. При их анализе «предмет идентифицируется по совокупности своих признаков и характерных действий, а предикат – по совокупности своих предметных “актантов”; предмет представляет собой целостный объект действительности, а предикат – абстрагированный от объекта признак, не имеющий конкретного воплощения, но присущий многим предметам» [2, с. 235]. При этом важно помнить, что в толкованиях нужно придерживаться двух разных стратегий: предметные лексемы требуют дифференциальных (меняющихся от условий) толкований в силу невозможности исчерпывающих, а предикатные требуют исчерпывающих толкований в связи недостаточностью дифференциальных [3]. Из этих двух видов толкований вытекает необходимость актуализации таксономических (предметных) и фундаментальных (предикатных) типов оппозиций [3]. Введенные в текст олонхо персонажи и предметы могут быть мифологически истолкованы посредством предикатов (действий), так как действия вызываются мотивировками, которые могут привести к реконструкции глубинных смыслов. Роль и важность действий в составлении структурных основ сюжетосложений впервые были рассмотрены В. Я. Проппом. И по ценностной шкале положительны или отрицательны не сами образы, а их поступки [4]. Настоящее исследование представляет собой

попытку поэтапного раскрытия механизма мифологической символизации предметов (природные явления, животный и растительный мир, человек, предметы быта и т. д.), а именно: выделение семантических оппозиций в зависимости от признака противопоставления, установление роли оппозиций в структурной организации текста олонхо. Ведущим инструментом исследования служит структурно-семиотический анализ, применяются сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический анализы, индуктивный и герменевтический методы исследований.

Предметные и предикатные бинарные оппозиции

Сюжетный мотив мифологического (эпического) времени

Равнозначными предстают мифологическое время и эпическое время на основе «синхронизации эпических событий с мифологическим временем» [5, с. 189]. Такая концепция утверждается Е. М. Мелетинским: «эпическое время в архаических памятниках – мифическая эпоха первотворения» [6, с. 41].

Классическое заявление космогонической темы в рассматриваемом олонхо дается в минимальной свернутой форме с помощью двух временных наречий со значением *былыр* ‘давно’ *урукку* ‘минувшее’ в сочетании со словом *үөскээбитэ* ‘народился’ без обозначения самого времени:

1.1. *Былыргы дьыл быдан мындаатыгар*, 1.2. *Урукку дьыл кулан уорбатыгар*, 1.3. *Түөрт саха төрүү илигинэ*, 1.4. *Үс саха үөскүү илигинэ*, 1.5. *Икки саха иитиллэ илигинэ*, 1.6. *Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур диэн* 1.7. *Бухатыыр үөскээбитэ үһү* [7, с. 8].

1.1. На далекой вершине давних лет, 1.2. На отдаленном хребте минувших лет, 1.3. Когда четыре якута еще не родились, 1.4. Три якута еще не явились на свет, 1.5. Два якута еще не были вскормлены, 1.6. Народился, говорят, богатырь по имени 1.7. Строптивый Кулун Куллустуур [7, с. 286].

В эпической формуле предметными единицами служат категории времени в виде указания «давние года/минувшие года» и числа – противопоставление «четыре/три».

Усиливающими мифологическое время семантическими лексемами выступают эпитеты *быдан* ‘далекий’, *кулан* ‘отдаленный’. Семантически нагружены традиционные трафаретные формулы, представленные в столбцах 1.3 и 1.4 со статическим описанием, они смыкаются с глаголами «не родились», «не явились». В использовании нисходящих числительных «четыре-три-два» просматривается наложение «областей, собственно и поэзии, и мифологии» [4, с. 232]. «Следует, однако, указать, – пишет Е. М. Мелетинский, – что, строго говоря, перед нами не метафоры, а знаки и мифологические символы» [4, с. 232]. Так, первичен мифологический слой в виде наличия противопоставлений «четыре якута/три якута», передающийся в «биоморфном коде». Способность этих чисел транслировать «смысловые оттенки» (термин С. М. Толстой), процесс семантизации этих чисел в свете мифологического мировидения предков (с учетом национальных особенностей языка и мышления) представлены в другой работе автора статьи [8, с. 134-148]. Числовое противопоставление «четыре/три» достаточно изучено, оно восходит к универсальной оппозиции «чёт/нечёт», основополагающую роль которой (в развитии вообще культуры) мы находим в труде В. В. Иванова [9]. В представленной формуле эпического времени вторичен трехчленный параллелизм, относящийся к области поэзии. Важно, что в контексте актуализации мифологического времени в представленной формуле через отношение чисел четыре и три передается и «отношение мужского и женского» [4, с. 233]. Далее семантика оппозиций развивается на идее фундаментального единства двух начал, в космологическом осмыслении коррелирующего с абстрактной оппозицией «низ/верх». Основой сопоставления «мифологическое время/историческое время» предстает признак «сакральное/профанное», имеющий важное значение в построении шкалы ценностей чувственного восприятия.

Сюжетный мотив описания коня героя

Рассмотрим описание коня:

2.1. *Кулгаабар кураҕаччы кыыллаах*, 2.2. *Кэтэбэр кэбэ кыыллаах*, 2.3. *Санныгар сар кыыллаах*, 2.4. *Көхсүгэр көбөн кыыллаах*, 2.5. *Өттүгэр өтөн кыыллаах*, 2.6. *Борбуйугар борчук куобахтаах*, 2.7. *Үөһээ Сибииргэ ааттаммыт аата*, 2.8. *Төбөтүнэн оонньуур*, 2.9. *Чимэчи кугас аттаах*, 2.10. *Аллараа дойдуга ааттаммыт аата*, 2.11. *Атабынан оонньуур*, 2.12. *Айдаар кугас аттаах*, 2.13. *Орто дойдуга ааттаммыт аата*, 2.14. *Кутуругунан оонньуур*, 2.15. *[Куньналык] Куйаар кугас аттаах* [7, с. 8].

2.1. С кроншнепом-птицей на ушах, 2.2. Кукушкой-птицей на загривке, 2.3. Сарычем-птицей на лопатках, 2.4. Селезнем птицей на крупе, 2.5. Голубем-птицей на бедрах, 2.6. Серыми зайчатами на подколенках, 2.7. В Верхней Сибири названным: 2.8. Огненный Рыжий конь, 2.9. Который, резвясь, мотает головой; 2.10. В Нижнем мире названным: 2.11. Буйный Рыжий конь, 2.12. Который, резвясь, перебирает ногами; 2.13. В Среднем же мире названным: 2.14. Вихревой Рыжий конь, 2.15. Который, резвясь, помахивает хвостом [7, с. 286].

В качестве образов мифопоэтической картины мира в формуле манифестируется таксономический класс животных (2.1-2.6) – это пары «кроншнеп-кукушка», «сарыч-селезень», «голубь-зайчата», построенный по принципу «связи целого с частями» (верхняя, средняя, нижняя части). В интересующем нас аспекте показательно присутствие локусов (2.7-2.15) в виде оппозиций «Верхняя Сибирь/Средний мир», «Средний мир/Нижний мир», сопровождаемых указанием на природные субстанции огня, ветра и воды, которые конкретизируются предикатами (действиями), характерными для богатырского коня – мотания головой, помахивания хвостом, перебирания ногами.

Образы птиц и зайчат в виде зооморфных символов оформляются с помощью парных бинарных оппозиций «кроншнеп (кукушка)/голубь (зайчата)», противоположные полюса которых разрешаются путем введения медиации «селезень (голубь)» (по Леви-Строссу), согласно принципу членения трех частей тела коня – головы, туловища, ног. Сопоставление головы и ног вызвано «функциональным» толкованием верхней и нижней частей тела (С. М. Толстая), которые подтверждаются теми или иными качествами животных. Так, голова, позиционируемая при помощи коннотации чуткости (доминирующего признака образа кроншнепа) и дара предвидения (признака образа кукушки), противопоставляется ногам, отождествляемым с зайчатами, символизирующими быстроту ног, подобно антитезе «голова как интеллектуальный инструмент – ноги как орудие активной физики животного». Коннотативные значения силы и могущества, олицетворяемые образом сарыча, а также выносливости, олицетворяемого образом селезня [10, с. 25], закреплены к описанию средней части коня. Все эти оппозиции восходят к единому признаку «верх/низ», соответствующему «простой чувственной ориентации человека в пространстве» [4, с. 230]. Примечательно, что в столбцах 2.7-2.15 ведущим признаком выступает та же оппозиция «верх/низ», которая в пространственно-временной непрерывности «объективируется» как соотношение трех эпических миров. Здесь актуализируется «идеологическая» трактовка признака – Верхняя Сибирь в качестве божественного, духовного, сакрального мира противопоставляется Среднему миру как профанному, низшему и т. д. При этом эпитет «огненный» усиливает коннотативное значение «божественного», эпитет «буйный» – коннотацию со стихией воды (заметим, что Л. Н. Семенова отмечает образную лексику «дрожащего, вздрагивающего», как одну из характеристик Нижнего мира [11, с. 86]), эпитет «вихревой» – коннотацию со стихией воздуха, которые дополняются предикатами «движения головой» применительно к Верхней Сибири, «движения ногами» – к Нижнему миру, «движения хвостом» – к Среднему миру, еще раз конкретизирующими контрастную принадлежность разным частям тела коня. Добавим, что исследования по образной лексике на материалах эпоса олонхо подробно рассматриваются в работах Е. Е. Жирковой [12, 13].

Сюжетный мотив описания внешности героя

Приведем текст:

3.1. Ускууһай куорат унуо өттүнээби 3.2. Ойдон хара тыаба саһан үөскээбит 3.3. Буурай кэрэмэс саһыл кылы 3.4. Ойута-хайыта бысталаан 3.5. Уос-тиис онгорбут курдук 3.6. Омугур-чомугур уостаах-тиистээх; 3.7. Хамчаакы куорат ханас өттүнээби 3.8. Халбан хара тыаба саһан үөскээбит... [7, с. 9].

3.1. У него такие ладные губы и зубы, 3.2. Словно губы и зубы сладили ему, 3.3. Раскроив на части 3.4. Лисицу-сиводушку, которая выросла, 3.5. Скрываясь вдали, в отдаленном темном лесу, 3.6. Что по правую сторону от города Иркутска; 3.7. У него такие подвижные 3.8. Черного серебра брови и глаза... [7, с. 286].

С 3.7-3.13 приводится вторая формула, в которой ключевые слова заменяются: «губы и зубы» на «брови и глаза», «лисица-сиводушка» на «черную лисицу», «правая сторона» на «левую сторону», «Иркутск» на «Камчатку». Отсюда видно, что в качестве таксономических

единиц выступают фрагменты разных частей тела героя, животные, локусы. В дальнейшем описании, по такому же принципу противопоставляются «руки» «ногам», пара «бедраталия» – паре «плечи-шея». К примеру:

3.14. *Хастаабыт тиит курдук* 3.15. *Сылбаран манган харылаах*, 3.16. *Суллаабыт тиит курдук* 3.17. *Ньондо-хаан сотоолоох* [7, с. 9].

3.14. Гладкие белые руки [богатыря] – 3.15. Словно лиственница, очищенная от коры; 3.16. Длинные, мощные ноги его – 3.17. Словно лиственница со снятой корой [7, с. 287].

Интересным предстает фрагмент с антитезой «спина-грудь»:

3.18. *Тоѳус мас хойуук онгочону* 3.19. *Туруору туппут курдук* 3.20. *Бүү-хаан көбүстээх*, 3.21. *Бойлууот ыал* 3.22. *Сэттэ маһынан аттаран онгорбут* 3.23. *Халбанын тизэрэ аспыт курдук* 3.24. *Кэтит нанабар түөстээх* [7, с. 9].

3.18. У него огромная спина, 3.19. Словно сколоченная из девяти лесин 3.20. Большая лодка-каюк, поднятая стоймя; 3.21. Широкая выпяченная грудь его – 3.22. Словно сделанная из семи плотно пригнанных лесин, 3.23. Настежь распахнутая 3.24. Дверь юрты богатых людей [7, с. 287].

К оппозиции «спина/грудь» примыкают таксономические единицы из класса чисел.

В столбцах 3.1-3.13 оппозиции строятся по принципу метонимии, при этом полярности определяются по их реальной связи: губы, зубы, брови и глаза являются составными частями головы. В целом строй описания мотива подчиняется рамкам той же пространственной космической модели, при которой космогенез синхронизируется с появлением эпического богатыря. Используемый цветовой эпитет «сиводушчатая» через образ лисицы отражает принадлежность предмета по ценностной шкале сразу двум полярностям – и отрицательной, и положительной [14]. Во второй части этого тематического блока цветообозначение «черная», примыкающее к «левой стороне», можно предположить, несет положительную оценку, дополняясь указанием «что по левую сторону от города Камчатки», а, значит, локализуясь в северном направлении от Камчатки, географически располагаясь на востоке. Это подтверждается и устойчивой ассоциацией черного цвета с северным направлением у многих тюркских народов [15] – сложная, неоднозначная семантика номинаций цвета подробно рассмотрена в работе Л. Л. Габышевой. Семантические оппозиции «руки/ноги», «спина/грудь», пар «бедраталия)/плечи (шея)», последняя из которых совмещает в себе наличие и метонимической связи оппозиций «бедраталия», «плечи/шея», в тексте предстают различными вариантами обыгрываний оппозиций, разветвленных от ключевого признака «верх/низ». Оригинально имплицуется оппозиция «вертикальная ось/горизонтальная ось» пространственного континуума, вытекающая из антитезы с опосредованным характером «ввысь-вширь», передаваемой через образы «лодки-каюк, поднятой стоймя» и «двери, распахнутой настезью».

Сюжетный мотив происхождения героя

Одиночество и незнание собственного происхождения служит индикатором раннего эпоса [16, с. 30]. Обратимся к фрагменту монологической речи героя:

4.1. *Ус дойду үөлэһин үрдүнэн өрүкүйэн күдээрийэн көстүбүт*, 4.2. *Күөх унаар халлаан толонноон тохтор томоон хара* 4.3. *Самыырын кытары ханыылаһан түһэн* 4.4. *Торолуйан олорорун оломтотун булбатаҕа үһү*. 4.5. *Аллараа эбит буоллар*: 4.6. *Хаһыытаатар ханталдьыйбат* 4.7. *Үөгүлээтэр өгнөлдүйбэт*, 4.8. *Кэнгириир кэтит үтүгэн түгэбэр* 4.9. *Кэри-куру күннээх*, <...> 4.23. *Күдэн муора арыннаммыт*, 4.24. *Көндөй муора оттоломмут*, 4.25. *Күр муус түгэхтэммит*, 4.26. *Сир ийэттэн үүнэр* 4.27. *Отун-маһын кытары* 4.28. *Үөскээн үөдүйэн тахсыбытым эбитэ буоллар* [7, с. 9-10].

4.1. Не упал же я вместе с градом-дождем 4.2. С сизо-голубого неба, 4.3. Что раскинулось 4.4. Над юртами жителей трех стран. 4.5. Если бы вылез я из Нижнего мира, 4.6. Из страны Ютюгян 4.7. С блекло-печальным солнцем, 4.8. Которая не всколыхнется, если закричать, 4.9. Не вздыбится, если заорать, 4.10. Не прогнется, если надавить, <...> 4.23. Если бы я зародился и вырос 4.24. Вместе с травами деревьями, 4.25. Растущими на срединной матери-земле, 4.26. Чьим ложем служит море туманное, 4.27. Серединой – море бездонное, 4.28. Дном – материковый лед [7, с. 287-288].

Присутствуют предметные оппозиции в виде объектов мироздания – «небо/Нижний мир», природных явлений – «туман/море», «море/лед». В этом тематическом блоке более детально

описывается Средний мир, при котором мифологическое сознание использует металлургическую терминологию в виде парных оппозиций «свинец (железо)/медь(серебро)», относящихся к видам веществ.

В столбцах 4.1-4.28 «квалифицирующими» определениями начала мотива предстают эпитеты «сизо-голубое» и «блекло-печальное», указывающие степень проявления признака «сильнее-слабее» относительно свечения предметов, оформляющие символическую семантику оппозиций «Верхний мир/Нижний мир». Эти антиномии опосредует медиатор (Средний мир), соединяющий их. Наблюдается трехкратное дублирование ведущего признака «верх-низ»: через предикаты «упал» и «вылез», имплицитующие полюса по вертикальной оси; через оппозиции «ложе/середина», «середина/дно», соответствующие триаде состояний природных явлений «туман-вода-лед», также указывающих вертикальные уровни пространства; через предикаты, скрывающие семантику в самих действиях («раскинулось», усиливаемую предлогом «над» развивает горизонтальную панораму; «надавить», означающая действие по принципу «сверху вниз» [17, с. 8] развивает вертикальное членение пространства). Возникающие отношения между тремя мирами содержат в себе как «идеологическую» трактовку признака «верх-низ» (см. выше), так и «антитетическую» трактовку признака «сакральный-профанный». Семантическая поляризация названий металлов основательно исследована Л. Л. Габышевой. Мы лишь подчеркнем, что в данном мотиве положительной маркировкой обладают *алтан* ‘медь’ и *көмүс* ‘серебро’, составляющие одну полярность, соответственно, отрицательной маркировкой наделены свинец и железо, образующие другую полярность, отражающие пример синонимических и антонимических связей. В данном случае семантические оппозиции соотносятся с четырьмя направлениями света [18].

Настоящая работа направлена на исследование содержательного аспекта, а не сюжетно-композиционного строя эпоса олонхо. В силу этого мы сознательно перенесем семантически близкий фрагмент, разворачивающий картину отсутствия родных героя (в тексте примыкающего к мотиву описания жилища) к данному тематическому блоку:

4.29. *Толонноох сырайдаах*, 4.30. *Торумтуйбут бытыктаах*, 4.31. *Күрүө дьабыл бэскилээх*, 4.32. *Дорбоонноох саналаах* 4.33. *Тойон аята диэн* 4.34. *Ончу суоҕа эбитэ үһү*; 4.35. *Хаар курдук баттахтаах*, 4.36. *Көмүскэллээх санаалаах* 4.37. *Күбэй хотун ийэтэ* 4.38. *Күккүрээчи суоҕа эбитэ үһү* [7, с. 15-16].

4.29. Говорят, нет и не было у него 4.30. Почтенного отца 4.31. Со светлым лицом, 4.32. С черными густыми усами, 4.33. С седеющими висками, 4.34. С зычным голосом. 4.35. Говорят, нет и не было у него 4.36. Достопочтенной 4.37. Матери-заступницы 4.38. С белоснежными волосами [7, с. 293].

Далее в столбцах 4.39-4.47 следует синонимичная формула с типичным акцентированием ключевых слов (белое тело, грудь, бедра, пальцы), которые используются для идеализирующего описания (имеется в виду поверхностный уровень текста) именно женского портрета – матери. В столбцах 4.48-4.54 отрицается наличие у богатыря и старухи Симэхсин, где описываются типичные черты, противоположные предыдущим, с указанием ее локуса в юрте – на левой стороне. За репрезентацией образа старухи в столбцах 4.55-4.77 далее последовательно описываются отсутствия у героя парня-дровосека (образа работника-батрака) и младшей сестры героя, с приведением свойственных им портретных качеств.

Приведем текст:

4.48. *Ханас диэкинэн сылдыаччы* – 4.49. *Кырааскалаабынан кынчаччы көрбүт*, 4.50. *Обуруолаабынан ончоччу көрбүт* 4.51. *Ситии мыаннарыгын сиритэ үктээбит*, 4.52. *Сидьин дьалабай тутуулаах* 4.53. *Симэхсин-эмэхсин* – 4.54. *Ончу суоҕа эбитэ үһү*; 4.55. *Унуо диэкинэн сылдыаччы* – 4.56. *Саллайбыт бастаах*, 4.57. *Кээкэлдьийбит моойноох*, 4.58. *Багдаллыбыт сарыннаах*, 4.59. *Ньохчоллубут көбүстээх*, 4.60. *Кыпсыллыбыт сотолоох*, 4.61. *Тизэрэлдьийбит уллунахтаах*, 4.62. *Бардырбас саналаах*, 4.63. *Баланыйбыт сырайдаах* 4.64. *Маччыт уола* – 4.65. *Мэличчи мэлигир эбитэ үһү*. 4.66. *Кэтэбэриин диэкинэн* 4.67. *Кэккэлэһэ хаампыт* 4.68. *Ытарбалаах ырааһа*, 4.69. *Иэмэхтээх ингинэ*, 4.70. *Таҕастаах намсыына*, 4.71. *Суһуохтаах субугура*, 4.72. *Көрө-истэ күлүмүрдээбит*, 4.73. *Санара-ингэрэ*

самалдьыйбыт, 4.74. Этэ-тыына мэтэлдьыйбит, 4.75. Көрөртөн сүөл үчүгэй, 4.76. Балыс дьахтар диэн 4.77. Кыккыраччы суоҕа эбитэ үһү [7, с. 16].

4.48. Говорят, нет и не было у него старухи Симэхсин, 4.49. Грязной, но спорой в работе, 4.50. Пребывающей на левой стороне [юрты], 4.51. Кривой – с красным глазом, 4.52. Косой – с глазом-бусинкой, 4.53. Всегда топчущей развязанные 4.54. Волосяные завязки своего натазника. 4.55. Говорят, нет и не было у него 4.56. Парня-дровосека, 4.57. Пребывающего на правой стороне [юрты], 4.58. Большоголового, 4.59. Длинношеего, 4.60. Широкоплечего, 4.61. Сутулого, 4.62. С тонкими голенями, 4.63. С вывернутыми ступнями, 4.64. С грубым голосом, 4.65. С изнуренным лицом. 4.66. Говорят, нет и не было у него 4.67. Младшей сестры, которая бы выросла вместе с ним 4.68. И жила бы на задней половине [юрты], 4.69. Самой опрятной из носящих серьги, 4.70. Самой красивой из носящих подвески, 4.71. Самой изящной из носящих наряды, 4.72. Самой стройной из носящих косы, 4.73. Со взором сияющим, 4.74. На слово приветливой, 4.75. С голосом грудным, 4.76. С походкой плавной, 4.77. Такой прекрасной! [7, с. 293-294].

Так, оппозиции предстают ролевыми – «отец/мать», «дровосек/старуха Симэхсин», «дровосек/сестра», где основой служит признак «мужской-женский». Но здесь имеет место наложение и других смыслов: отношения по статусной, возрастной и пр. иерархии между отцом и матерью, матерью и дочкой, хозяином и батраком, хозяйкой и батрачкой, батраком и дочкой, соответственно строящихся на признаках «родной-не родной», «старый-молодой», «богатый-бедный» и т. д. Если в семантической интерпретации гендерной оппозиции «отец/мать» привлекается их внешний вид, за которыми обнаруживается их отличительный нрав и характер, то в интерпретации привативной оппозиции «мать/старуха Симэхсин» или «дровосек/сестра» подключаются еще и предикаты, имплицитные психологические характеристики лиц, характерность различной пластики движений, дополняющиеся еще и некими локусами. К примеру, образу старухи Симэхсин (коровницы), которая предстает «грязной, но спорой в работе», «всегда топчущей развязанные волосяные завязки своего натазника», пребывающей на левой стороне дома, противостоит младшая сестра героя, живущая на задней половине дома, с указаниями признаков красоты, стройности, опрятности, изящности, плавной походки и т. д. [7, с. 293-294]. В соответствии с внутренней планировкой якутского жилища на «левой стороне» располагалась придверная нара, предназначенная для простого люда, на «задней половине» располагалась комната *хаппахчы* 'чулан-спальня' для хозяйской дочери [19, с. 133].

Примечательно, что семантика оппозиций, не исчерпываясь одним уровнем, продолжается уровнем ниже в пределах представления одного лица. Так, в описании портрета отсутствующей матери говорится:

4.39. Хабабайкаан курдук эттээх, 4.40. Икки таһыар көбүөр саба 4.41. Балым-салым эмиийдээх, 4.42. Икки байтаһын бизни 4.43. Баһын атабын бысталаан баран 4.44. Умса уурбут курдук 4.45. Эбир дьабыл нылбэктээх; 4.46. Уон сур кырынааһы хардарыта туппут курдук 4.47. Бабыа көмүс тарбахтаах [7, с. 15-16].

4.39. С телом белым, как у куропатки, 4.40. С грудями пышными, 4.41. Как большие кумысные мехи; 4.42. С пятнистыми от прожилков бедрами, 4.43. Напоминающими туши двух яловых кобылиц, 4.44. Слаженных вместе, без головы и ног; 4.45. С мощными серебряными пальцами, 4.46. Словно десять серых гроностаев, 4.47. Слаженных вместе голова к голове [7, 293].

Здесь в описании портрета матери семантическую нагрузку несет своеобразное сравнение ее бедер с «тушами двух яловых кобылиц, сложенных вместе без головы и ног», ее серебряных пальцев – с «десятью серыми горностаями, сложенных вместе голова к голове». Заметим, что вся эта экспозиция является завершающей нижней частью единой портретной композиции образа матери, основанной на главном признаке «верх-низ» (в тексте последовательно введены описание волос (см. выше), затем груди). В фрагменте полярность оппозиции «бедро/палец» определяется принципом метонимии, которая далее «расщепляется» на оппозиции: «два/десять», связанной с реальной количественной характеристикой частей тел (бедер, пальцев); «кобылицы/горностаев», солидарных в положительной коннотации, но различающихся по степени выражения «больше-меньше»; «туши/головы», связанной не только с внешним сходством форм предметов, но и с «функциональными» толкованиями частей тел в ценностном ключе.

Сюжетный мотив описания одежды и доспехов героя

Сведения о богатырской одежде максимально редуцированы:

5.1. *Сарыы гиэнин тыйыһынан*, 5.2. *Түнэ гиэнин түүнүктээбинэн*, 5.3. *Киис гиэнин киргиллээбинэн* 5.4. *Булан тангныбыт киһи эбит*. 5.5. *Тоҕус буур тайах* 5.6. *Муостаах баттабынан аттаран онорбут* 5.7. *Муос кураах бэргэлээбэ үһү* [7, с. 10-11].

5.1. Говорят, человек этот одевался 5.2. В самое плотное из ровдуги, 5.3. В самое мягкое из лосиной кожи, 5.4. В самое отборное из соболей. 5.5. Был он, говорят, в рогатой шапке, 5.6. Сшитой из приложенных одна к другой шкур с голов 5.7. Девяти лосей-самцов [7, с. 288].

Столбцы 5.1-5.4 отражают вытекание предметных оппозиций не из прямого сравнения свойств предметов. Семантика строится на вторичном, культурном значении, раскрывающемся через оппозиции «обувь/верхняя одежда». Ансамбль соответствует вертикальной ориентированности. В основе оппозиции «ровдуга/лосиная кожа» (ровдуга изготавливается из оленьей замши, а из лосиной кожи – традиционная меховая шуба) лежит утилитарная оценка, предпочитаемых народным сознанием с климатической точки зрения. Высокой знаковой нагруженностью наделен головной убор богатыря (5.5-5.7). Рогатая шапка является архаическим элементом, носящим в себе сакральный смысл, наделяемый апотропеистической функцией [20, с. 78]. По материалам этнографических данных А. А. Саввина было установлено, что рога выполняли функцию оберега от злых сил [20]. Указание в формуле «шкур голов девяти лосей-самцов» способствует развитию коннотации «божественного начала», где ключевыми маркерами предстают: число «девять», входящий в состав устойчивой формулы, репрезентирующей высшее божество; «головы лосей» в виде сакрализованных частей; «самцы» как корреляты, актуализирующие мужское начало.

В тексте внимание уделяется детализированной репрезентации его доспехов. Лук героя:

5.11. *Хатыан-имиэн дойду хатынгынан хатыннаммыт*, 5.12. *Томуон-имиэн дойду туоһунан туостаммыт*, 5.13. *Китиэн-имиэн дойду киһлэ киһллээх*, 5.14. *Ала күндэлэй балык хабаҕа силимнээх*, 5.15. *Ангаат балык саннын унуоҕа чаачардаах*, 5.16. *Киһл балык иэнин ингиэрэ кистээх*, 5.17. *Улуу үрэх тоҕойдообутун курдук* 5.18. *Көрүлүүр көр муос кураах саалаах үһү* [7, с. 11].

5.11. Имел он, говорят, весело гремящий лук 5.12. С костяными концами, загнутыми напоподобие излучины огромной реки; 5.13. Сделан из березы Хатыан-Имиэн страны, 5.14. Покрыт берестой из Томуон-Имиэн страны, 5.15. Скреплен слоем лиственницы из Китиэн-Имиэн страны, 5.16. Склеен [клеем] из пузыря пестрой кюндяли-рыбы, 5.17. Древко [лука] из плечевых костей ангаат-рыбы, 5.18. Тетива – из спинных сухожилий кит-рыбы [7, с. 288].

В описании лука (5.11-5.15) актантом выступает материал изготовления – береза (береста) и лиственница, доминирующее значение которых определяется выходом за пределы конкретного лексического значения, и семантика формируется посредством ассоциаций со «священным деревом» (считается, что в начальный период становления олонхо образ священного дерева занимала лиственница (или береза) [21, с. 29]). Что касается оппозиций, состоящих из названий мифологических стран, где растут обозначенные деревья, то установлено следующее: «Хатыан-Имиэн/Томуон-Имиэн/Китиэн-Имиэн» являются вариативными локативами, основанными на ритмико-синтаксическом параллелизме, указывающими на свойства твердости древесины [22, с. 27], безусловно предстающие элементами условно-поэтической образности. Заметим далее то, что действительно в былые времена предки саха в быту использовали пузырь рыбы для изготовления клея. На более глубинном уровне частью классификационной схемы предстают столбцы 5.16-5.18, где наблюдается построение смысла по признаку «верх-низ». Данный признак лежит в основе противопоставлений «плечи/спина» и «спина/пузырь», строящихся «на функциональном толковании частей тела животного» [2, с. 240]. При этом привлечение образа рыбы не случайно и связано с мифологическими представлениями предков, где рыба является одним из компонентов мироздания. Так, А. И. Гоголев подчеркивает, что в текстах старинных олонхо «упоминаются мифические “железные рыбы подземных морей, несущие на себе мироздание”» [23, с. 9].

Не менее информативны в семантическом плане иллюстрируемые далее артефакты: стрелы, пальма, копьё, палица-булава, мяч-ядро. Приведем фрагмент описания стрел:

5.19. *Абыс кырыылаах* 5.20. *Тимир сардаана охтоох*, 5.21. *Сэттэ кырыылаах* 5.22. *Тимир тингирики онобостоох* [7, с. 11].

5.19. Имел он, говорят, стрелу-сардаана 5.20. С восьмигранным железным наконечником; 5.21. С семигранным железным наконечником 5.22. Тингирики-стрела сама выслеживала врага [7, с. 288].

Характерным признаком, определяющим семантику оппозиций «стрела сардаана/тингирики стрела» выступает форма стрел, а именно остроконечность, передаваемая посредством антитезы «восьмигранный/семигранный железный наконечник». Металлический эпитет «железный» отражает в метафорическом смысле жестокость, безжалостность [18, с. 119], а наделение наконечника «восьмигранностью», «семигранностью» придает формуле космогонический оттенок, что подразумевает способность стрел перемещаться по горизонтали (четное число 8) и вертикали (нечетное число 7), развивающих идею пространственных структур.

А вот как описываются другие доспехи богатыря:

5.23. *Энэ үлүгүн саҕа хара дьайдаах* 5.24. *Сабылалаах батыйалаах*, 5.25. *Эрдэбэс күөс саҕа кутаа уот илбистээх* 5.26. *Кыырыктаах үгүүлээх*, 5.27. *Тоҕус уон бууттаах тимир* 5.28. *Чомпо сүллүгэстээх*, 5.28. *Бизс уон бууттаах тимир* 5.29. *Мэрилиир мээчиктээх эбитэ үһү* [7, с. 11].

5.23. Имел сабельную пальму с черной нечистью 5.24. Величиною с подстилку из медвежьей шкуры, 5.25. Имел он грозное копье, пылающее огнем кровожадности 5.26. Имел он девяностопудовую увесистую 5.27. Железную палицу-булаву. 5.28. [Имел он] пятидесятипудовый, железный, 5.29. Громко ревущий мяч-ядро [7, с. 289].

По признаку «больше-меньше» противопоставляются артефакты сабельная пальма и копье, на которые накладывается другой доминирующий смысл, заключенный в дополнениях к предметам – «с черной нечистью» и «с пылающим огнем кровожадности». Здесь орудия героя представляют собой одушевленные предметы: приписываемая к сабельной пальме «черная нечисть» означала в народной памяти смертельную, разящую силу, приравняваемую к силе колдовства; приписываемая к копью «кровожадность» заключала в себе свойство *илбис*. Последнее является составным компонентом имени духа войны *Илбис Хаан*, служащей символом кровопролитной войны, поднимающим боевой дух воинов. Семантика «палицы-булавы» и «мяча-ядра» мотивируется эпитетами «железный» (металлический код) и «ревущий» (звуковой код), которые дополняются «количественной» оппозицией «девяностопудовый/пятидесятипудовый».

Сюжетный мотив описания родной страны

Обратимся к тексту:

6.1. *Тоҕус суман мангаас туруйа кыыл* 6.2. *Тоҕус сылы мэлдьи тула көтөн* 6.3. *Тулатын булбатах* 6.4. *Туман манган дойдуга*, 6.5. *Кытыытын булбатах* 6.6. *Кылба манган дойдуга* 6.7. *Иитиллэн тэриллэн үөскээбит киһи эбит* [7, с. 11].

6.1. Человек этот вырос и обосновался 6.2. В светло-голубой стране, 6.3. Окружности которой не смогли облететь 6.4. Девять вольных белоголовых журавлей 6.5. За целых девять лет; 6.6. Жил он в ярко-белой стране, 6.7. Края которой не смогли облететь [7, с. 289].

Первая формула повторяется с заменой ключевых слов: «светло-голубая» на «ярко-белую», «девять» на «восемь», «самцы-журавли» на «самоки», «девять лет» на «восемь лет». Характерным для данного мотива считается своего рода осмотр местности – «оглядывание-выпевание» сказителем окрестности по кругу, с последовательным описанием сторон света по направлению солнечного движения [11, с. 41]. Таксономические оппозиции иллюстрируют природные явления, время, рельеф, локусы, животных.

В оппозиции «светло-голубая/ярко-белая» части соединяются лексической единицей «страна» и единой коннотацией «прекрасного мира». Уже само указание на действие «облететь по окружности» означает укоренение символической семантики в круговом перемещении предметов [24, с. 14], что также дублируется далее и сказительским приемом. В сочетании «девяти белоголовых самцов-журавлей», которым не удалось облететь окружность страны за девять лет с «восемью самками белых журавлей» (с указанием времени продолжительностью в восемь лет), заключен признак «мужской-женский» с характерными числовыми характеристиками девять и восемь, развивающими идею разворачивания пространственных координат.

Чрезвычайную нагруженность символами четырехчастной горизонтальной структуры в олонхо отмечает Л. Л. Габышева [25, с. 79]. Так, в анализируемом олонхо моделированию пространства служит постепенное введение четырех направлений с последовательными включениями локусов отдаляющегося периферийного ландшафта по принципу круга, формирующих сакральный центр:

6.8. Манна туран ханас диэки өттүнэн 6.9. Кылбас кынан көрдөххө – 6.10. Дьоллоох туруйа тохтообут 6.11. Туналытта толоонун ортотун уу дьулайыгар 6.12. Бэйэтэ туругуран үөскээбит эбит. 6.13. Оол улаҕатыгар 6.14. Өнгөс кынан көрдөххө – 6.15. Улаҕата биллибэтэх 6.16. Улаан дьабыл өрүс субуллан түспүт; 6.17. Бу үрэх ортотунан 6.18. Тоҕус үөстээх 6.19. Тонмот муора сүрүннэнэн кирибит эбит. 6.20. Оол илин өттүнэн 6.21. Өнгөс кынан көрдөххө – 6.22. Талааннаах кыталык кыстаабыт 6.23. Кылбаарытта кытыла диэн 6.24. Кытыллаах буолбут. 6.25. Бу илин өттүнэн 6.26. Өнгөс кынан көрдөххө – 6.27. Үс үңкүү көмүс дьүөдүй булгуннахтаах эбит. 6.28. Дойдун-сирин собуруу энээрин 6.29. Туруорута көрөн таһардаахха – 6.30. Соноҕос атыыр сылгы 6.31. Дьохсооттоһо турарын курдук 6.32. Суорба таас хайалардаах эбит. 6.33. ол арҕаа өттүнэн 6.34. Батыһыннара көрөн түһэрдэххэ – 6.35. Алтан тэриэккэни кэккэлэтэ уурбут курдук 6.36. Алаан-дьалаан алаастар 6.37. Аҕаарыттан-кэнээриттэн түспүттэр [7, с. 11-12].

6.8. Если отсюда окинуть взором 6.9. Левую сторону [этой страны] – 6.10. Оказывается, вырос и возмужал он, этот человек, 6.11. В самой середине сверкающей долины, 6.12. Где зимуют счастливые журавли. 6.13. Если бросить быстрый взгляд, 6.14. Взглянуть дальше этой долины, 6.15. [Открывается] желто-пятнистая падь с широкой рекой. 6.16. Эта река, 6.17. Оказывается, положила себе русло 6.18. В незамерзающем море с девятью заливами. 6.19. Если, оглянувшись, посмотреть 6.20. На восток от моря, 6.21. Увидим высокий берег, 6.22. Именуемый сверкающим Кылбаарытта-берегом, 6.23. Где зимуют счастливые белые журавли. 6.24. Если, еще раз оглянувшись, посмотреть, 6.25. Дальше на восток от него – 6.26. Стоят, взметнувшись ввысь, 6.27. Три ликующих серебряных холма. 6.28. Если посмотреть снизу ввысь, 6.29. На южную сторону этой земли-страны – 6.30. Стоят громады каменных утесов, 6.31. Напоминающие жеребцов-четырёхлётков, 6.32. Вставших на дыбы во время схватки, 6.33. Если сверху вниз посмотреть 6.34. На западную ее сторону, 6.35. Безмерно широкие елани 6.36. Раскинулись, протянулись вдаль, 6.37. Словно медных тарелок ряды [7, с.289-290].

Так, синонимическую связь отражают полярности оппозиции «дальняя граница долины/река», «река/море» (локусы фиксируются на левой стороне относительно сказителя и следуют друг за другом) и «Кылбаарытта берег/серебряный холм» (фиксируются на востоке). Эти оппозиции основаны на едином признаке «ближнее-дальнее». Южная и западная стороны изображаются посредством оппозиций «каменные утесы/широкие елани», уже заключающих в себе сообщение о вертикальных и горизонтальных координатах, которые усиливаются сказительскими приемами «если посмотреть снизу ввысь», и наоборот – «если сверху вниз посмотреть». Уровнем выше располагаются оппозиции «юг/север» и «восток/запад», в них левые наделяются положительной оценкой, правые члены – отрицательной. При этом важно, что противопоставление «юг/север» функционирует в качестве оппозиции «верх/низ» [11, с. 44], в соответствии с утверждением «Нижний мир находится внизу, на севере» [26, с. 11]. Металлический код «серебряный» свидетельствует о положительной маркировке востока. Применительно к югу фиксация локуса именно в виде «каменного утёса», а к западу – «широких еланей» дополнительно акцентирует в первом случае «юг» как «верх», заключая смысл в самом слове «утёс» (стремящегося вверх), а привязывание понятия «широты» к западу усиливает коннотации с горизонталью, шире – с женским низшим началом.

Сюжетный мотив описания надворья, жилища героя

Описания коновязи и жилища [7, с. 291-293] с применением зооморфных символов, выполняющих роль классификаторов пространственных направлений, обстоятельно исследованы Л. Л. Габышевой, Л. Н. Семеновой [15, с. 81-109; 11, с. 46-52], поэтому рассмотрим лишь небольшую часть текста.

В описании надворных объектов семантика, мотивируемая замыкаемыми действиями «огорожения изгородью», «обегания двора вокруг» (откуда вытекает защитная роль объектов)

сопровождается оппозициями: «жаворонок/птичка-куличок» и «птичка-куличок/небесная птичка», выступающими духами-обитателями изгороди, ограды, навеса:

7.1. *Күнтэн күйэ сүүрэн түспүт курдук* 7.2. *Күөрэгэй иччилээх* 7.3. *Күөкэримэ диэн күүрүлээх*; 7.4. *Былыттан быһа сүүрэн түспүт курдук* 7.5. *Былырыыт иччилээх* 7.6. *Быакарыма диэн быһыттаах*; 7.7. *Халлаантан хайа сүүрэн түспүт курдук* 7.8. *Халлаан кыыла иччилээх* 7.9. *Какаарыма диэн хаһаалаах* [7, с. 13].

7.1. Огромный двор его огорожен изгородью «Кёкэримэ», 7.2. Она, словно спустившись с солнца, обегает двор вокруг, 7.3. Духи-обитатели ее – певчие жаворонки. 7.4. Двор обнесен оградой «Быакарыма», 7.5. Она словно бы сбегает прямо с облаков, 7.6. Дух-обитатель ее – птичка-куличок. 7.7. Во дворе есть навес «Какаарыма», 7.8. Словно спустившись с неба, он рассекает его, 7.9. Дух-обитатель навеса – небесная птичка [7, с. 291].

Описание объектов дополняется такими сравнениями, как «словно спустившейся с солнца» (изгородь) и т. д., оформляющими оппозиции «солнце/облака», «облака/небо», представляющие собой синонимии. Альтернативные признаки птиц (маленькие, с приятным щебетанием, легкие и т. п.) развивают положительные коннотации.

Далее:

7.10. *Сааскы киһини кытта* 7.11. *Садаарыччы кэпсэтэ турар* 7.12. *Дьалбааннаах сарайдаах эбит*; 7.13. *Күһүнгү киһини кытары* 7.14. *Күлүгүрэччи күлсэ турар* 7.15. *Күүркээннээх күүлэлээх эбит* [7, с. 13-14].

7.10. Весною с людьми 7.11. Громко переговаривается гулкий сарай, 7.12. Осенью с людьми 7.13. Раскатисто пересмеиваются широкие сени [7, с. 291].

Здесь полярности оппозиции «сарай/сени» – это гулкий сарай, который «громко переговаривается с людьми весной» и широкие сени, которые «раскатисто пересмеиваются с людьми осенью», имплицитно указывают на обширность объема с гулким отзыванием эха, при которой члены оппозиции «весна/осень» имеют мифологическое тождество с востоком и западом согласно картине мира тюркских народов [15, с. 56].

7.16. *Сэттэ толуу толумон бухатыыр* 7.17. *Сэтинньи ый туолар киһэтиттэн* 7.18. *Сэттэ эргэтэ буолуобар диэри* 7.19. *Сэгэлдьиптэ кэлим* 7.20. *Көмүс халбаннаах эбит*; 7.21. *Тобус толуу толумон бухатыыр* 7.22. *Тохсунньу ый туолар киһэтиттэн* 7.23. *Тобус эргэтэ буолуобар диэри* 7.24. *Уларыппат дьип-хаан олуурдаах эбит* [7, с. 14].

7.16. [Серебряную дверь] не приоткрыть 7.17. С вечера полнолуния до седьмого дня 7.18. Второй половины седьмого месяца 7.19. И семи отменно сильным богатырям; 7.20. У двери дома, оказывается, такой тяжелый засов, 7.21. Что его не сдвинуть 7.22. С вечера полнолуния до девятого дня 7.23. Второй половины девятого месяца 7.24. И девяти могучим богатырям [7, с. 291].

Относительно описания неподвижности двери с доминирующим признаком прочности и устойчивости, присутствие оппозиции, указывающей продолжительность времени – «с вечера полнолуния до седьмого дня второй половины седьмого месяца/с вечера полнолуния до девятого дня второй половины девятого месяца», осмысливается посредством толкования существовавшего ранее у якутов лунного календаря, приводящего к экспликации оппозиции «семь дней/девять дней». Экспозиции дополнены еще и исполнителями действия, оформляющими оппозицию «семь/девять богатырей». Акт в совокупности восходит к понятию сакрального верха, где числа «семь» и «девять» предстают сакральными символами, характеризующими его [27, с. 30].

Примечательно, что в композиции постоянно наблюдается выстраивание предметов вокруг одной темы – актуализации пространственных структур. Так, описание внутреннего убранства жилища формируется сопоставлениями лавок, снабженными пространственной лексикой – левую сторону с правой и заднюю сторону с передней (Л. Л. Габышева):

7.25. *Хатыннаах алаас курдук* 7.26. *Ханас оронноох*, 7.27. *Билилээх алаас курдук* 7.28. *Билириктээх*, 7.29. *Киэнг алаас курдук* 7.30. *Кэтэбириин оронноох*, 7.31. *Уһун алаас курдук* 7.32. *Уһуо оронноох* [7, с. 14-15].

7.25. [В юрте] лавка с левой стороны 7.26. Похожа на елань с березками, 7.27. Передняя лавка 7.28. Похожа на елань с перелесками, 7.29. Задняя лавка 7.30. Похожа на широкую елань, 7.31. На правой стороне – лавки 7.32. Похожи на длинные елани [7, с. 292].

Далее:

7.33. *Абыс муннуктаах айдаан* 7.34. *Манган остуоллаах*, 7.35. *Тобус кырыылаах* 7.36. *Суору-ма таас оһохтоох эбит* [7, с. 15].

7.33. [В юрте] – восьмиугольный 7.34. Широкий белый стол, 7.35. Девятигранный чужал-очаг 7.36. Из тесаного камня [7, с. 292].

Оппозиция «восьмиугольный стол/деятигранный очаг» посредством форм, утилитарных функций и эпитетов создает эквивалентный ряд отождествляясь с «горизонталью/вертикалью», «женским/мужским», коррелирующих с «низом/верхом».

А вот как описывается кухонная утварь:

7.37. *Кылыһыт кытыйалаах*, 7.38. *Табаһыт чааскылаах*, 7.39. *Көтүөлүүр көһүйэлээх*, 7.40. *Чохчоохойдоон кэлэр чороонноох*, 7.41. *Хаһытыыр хамыйахтаах*, 7.42. *Орулуур удьаа-лаах*, 7.43. *Олонхолуур олох мастаах...* [7, с. 15]

7.37. Деревянные скачущие миски, 7.38. Прыгающая чашка, 7.39. Подпрыгивающий горшочек, 7.40. Прискакивающий, приседая на ходу, чороон, 7.41. Кричащая деревянная ложка, 7.42. Ревущий черпак, 7.43. Сказывающая олонхо табуретка... [7, с. 292].

В перечисляемых предметах быта семантика мотивируется как самими действиями предметов типа «скачущая, прыгающая, подпрыгивающая, прискакивающая и т. п.», основанных на признаке «высоко, верх», так и присутствием сакральных предметов *чороон* ‘кумысного кубка’, *хамыйах* ‘деревянной ложки’. По мифологическим представлениям тюркских народов деревянная ложка служит орудием космогонического процесса, причастного к акту миротворения [28, с. 44], а ритуальный сосуд *чорон* – олицетворением модели мира [29, 30]. Добавим, важным признаком предстают и материалы изготовления предметов (дерево). В фрагменте символизирующие сакральный акт или форму, материал и т. д. предметы создают полярности с утилитарными предметами «низкого» назначения (например «чорон/горшок», «деревянная ложка/черпак»).

Структурно-уровневая организация текста зачина олонхо

Из проведенного анализа видно, что противопоставление в виде семантических оппозиций является важным сюжетообразующим инструментом. В акте семантизации предметов важна фиксация доминирующего признака (зависящего от ситуации или контекста), с помощью которого идентифицируется отождествление на одном уровне, а на другом уровне – противопоставление. Например, как было выявлено выше, оппозиции, используемые в описании внешности матери героя, семантика которых находит свою мотивацию в едином признаке «верх-низ», уровнем выше участвуют в оформлении противопоставления «отец/мать», основанных на признаке «мужской-женский». Полярности оппозиции «отец/мать» еще выше уровнем объединяются синонимической связью на основе общей статусной принадлежности, создавая противопоставление «отец-мать/коровница-дровосек», основанных на признаке состояния «богатый-бедный». А если признаком служит «старый-молодой», то вырисовываются другие оппозиции с другими отношениями. Таким образом, постепенно расширяется мотив, а отсюда развивается и сюжет, где мотив и сюжет являются обусловленными иерархическими членениями уровней, которые приводят к установлению эквивалентностей семантических пар. К примеру, «прочтение» отношений между лицами в приведенном мотиве обнаруживает две группы: объединение мужского, правого, внутреннего (имеется в виду акцентирование внутренних качеств человека), громкого и союза женского с левым, внешним, тихим, отражающими «контрастные ощущения» в ценностном ключе (Е. М. Мелетинский). Сюжетообразующая функция семантических оппозиций становится явным и при установлении логических связей с последующими за зачином событиями с драматической динамикой. Так, вышеперечисленные оппозиции «отец/мать» и т. п., помогающие позиционировать одиночество и отсутствие родословной героя, в тандем с идеализирующей направленностью репрезентации уже содержат в себе зародыш конфликта в виде внутреннего недовольства, служащего толчком развития последующего мотива. Действительно, чем детальнее описание изначальной картины мира в зачине, тем «драматичнее вторжение» [5, с. 195]. Следует добавить, что в организации текста олонхо немаловажную роль играет и сказительский прием в виде вопросно-ответной конструкции, наблюдаемый в начале мотивов типа «какого же должно быть у такого человека просторное обиталище-жилище?», или «если присмотреться и задать себе вопрос: есть ли у него семья, родня?» и т. д. [7, с. 290; с. 293].

Заключение

Проведенный выше анализ бинарных оппозиций позволяет реконструировать ход механизма семантизации и концептуализации предметов в национальной культуре с одной стороны (Л. Л. Габышева), а с другой, проливает свет на их роль в структурной организации эпоса олонхо. Зачин, цель которого заключается в презентации героя и установлении хронотопа, представляет собой своеобразную оркестровку гармонически разветвляющихся оппозиций по различным уровням (посредством отождествлений и противопоставлений, дополняющих друг друга) единой семантической основы – космогенеза. При этом эпический богатырь *Кулун Куллустуур* предстает своего рода ровесником эпического макрокосма, синхронизируя с процессом миротворения, о чем свидетельствуют вновь и вновь повторяющиеся в мотивах соотношения космической пространственной структуры с частями тел коня, героя и других персонажей, богатырской одеждой, боевыми орудиями героя, локальными оформлениями страны и родословной героя, его жилищем, детализацией надворных локусов и объектов внутреннего убранства жилища. Важно то, что именно ассортимент участвующих в космогенезе элементов, далее будет наделен универсальным космическим статусом, который в дальнейшем разворачивании эпических событий занимает важное место в картине мира в целом. Иначе говоря, главный герой *Кулун Куллустуур* своими деяниями будет «преломлять» продолжающийся процесс миротворения. Поэтому набор этих элементов принято манифестировать «универсалиями базовой семантики» [5, с. 195], а само мифологическое мышление – «символотворящей матрицей» [4, с. 56]. Такие тезисы придают доказательность утверждениям «все, что “космизировано” и похоже на Космос – все священно, космогонический миф есть образцовая модель для любого творчества» [31, с. 27], «космология первична по отношению к сюжету» [4, с. 238]. Раскрытие механизма семантизации и символизации предметов позволит выявить системные парадигматические и синтагматические отношения в ракурсе верификации знаков культуры, в свете которого большой интерес вызывает проективная сторона семиотических систем – установление связи некой табуированной тенденции с национальными культурными реалиями, в противном случае «семиотика остается описательной, ежели объяснительной техникой» [32, с. 86], что и определяет перспективы дальнейших исследований.

Литература

1. Дмитриева А. А. Указатель сюжетов и мотивов Вилюйского региона // Наука и образование. – 2007. – № 2. – С. 197-200.
2. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.
3. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии // Апресян Ю. Д. Т. 1 : Парадигматика. – Москва : Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – Москва : Восточная литература, РАН, 2000. – 407 с.
5. Неклюдов С. Ю. Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности : мифология, фольклор, литература : к 75-летию акад. Б. Л. Рифтина / С. Ю. Неклюдов ; под ред. И. С. Смирнова. – Москва : РГГУ, 2010. – С. 185–198.
6. Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика : Избранные статьи. Воспоминания. – Москва : РГГУ, 2018. – 695 с.
7. Тимофеев-Теплоухов И. Г. Строптивый Кулун Куллустуур : олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов ; отв. ред. А. С. Мирбадалева. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1985. – 608 с. (На якутском и рус. яз.)
8. Сатанар М. Т. К вопросу семантической интерпретации эпической формулы «три якута, четыре якута» // Вестник КИГИ РАН. – 2019. – № 1. – С. 134-148. – DOI : 10.22162/2619-0990-2019-41-1-134-148.
9. Иванов В. В. Чёт и нечёт : Асимметрия мозга и знаковых систем. – Москва : Советское радио, 1978. – 184 с.
10. Куприянова Е. С. Символика образа кукушки в якутском и башкирском эпосах (на материале олонхо “Строптивый Кулун Куллустуур” и кубaira “Урал-батыр”) // Молодой ученый. – 2011. – № 8 (31). – С. 24-27.

11. Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо : пространственная организация и сюжетика. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. – 232 с.
12. Жиркова Е. Е. Образная лексика в характеристике персонажей в северных олонхо // Ысыах олонхо в Намском улусе: возрождение, сохранение и популяризация : сборник материалов X Республиканской научно-практической конференции. – Якутск : Медиа-холдинг Якутия, 2019. – С. 52-56.
13. Жиркова Е. Е. Лексико-семантические особенности образной лексики якутского и бурятского языков // Мир науки, культуры и образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 509-511.
14. Анисимов Р. Н. Зооморфные компоненты в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 203-218. – DOI : 10.17223/18137083/57/18.
15. Габышева Л. Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. – Новосибирск : Наука, 2009. – 143 с.
16. Кузьмина А. А. Указатель сюжетных мотивов самозаписей олонхо (на материале творчества С. С. Егорова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3 (57). – С. 30-33.
17. Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск : Книжное издательство, 1979. – 484 с.
18. Габышева Л. Л. Символическое значение номинаций металлов в эпосе якутов и других тюркских народов // Вестник СВФУ. – 2012. – № 3. – С. 115-120.
19. Ноговицын В. П. Естественно-научный взгляд на якутский балаган / В. П. Ноговицын, Н. Г. Соломонов, А. С. Саввинов [и др.] // Вестник СВФУ. – 2015. – № 2. – С. 129-139.
20. Петрова С. И. Народный костюм якутов : историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. – Новосибирск : Наука, 2013. – 206 с.
21. Каратаев В. О. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох» // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Наука, 1996. – 440 с.
22. Борисов Ю. П. Ритмико-синтаксические параллелизмы в инвариантных текстах олонхо // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия : Эпосоведение. – 2016. – № 3 (03). – С. 24-33. – DOI : 10.25587/SVFU.2016.3.10864.
23. Гоголев А. И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. – Якутск : Издательство Якутского университета, 2002. – 104 с.
24. Толстая С. М. Семантические категории языка культуры : очерки по славянской этнолингвистике. – Москва : Либроком, 2010. – 368 с.
25. Габышева Л. Л. Традиционная картина природы в олонхо : глубинный смысл // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия : Эпосоведение. – 2019. – № 3 (15). – С. 78-87. – DOI : 10.25587/SVFU.2019.15.36601.
26. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2016. – 120 с.
27. Избекова Е. И. Числительные в олонхо: структура и семантика : монография. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 152 с.
28. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология : символ и архетип. – Новосибирск : Наука, 1991. – 155 с.
29. Гаврильева Р. С. Кумысный чорон, миф и обрядовая поэзия якутов // Язык-миф-культура народов Сибири : сборник научных трудов. – Якутск : Издательство ЯГУ, 1991. – С. 79-91.
30. Габышева Л. Л. К семиотической интерпретации функций чорона // Фольклор и современная культура : сборник научных трудов. – Якутск : СО РАН ЯИЯЛИ, 1991. – С. 115-119.
31. Элиаде М. Аспекты мифа / перев. с франц. В. П. Большакова. – Москва : Академический проспект, 2010. – 256 с.
32. Дандес А. Фольклор : семиотика и / или психоанализ : сборник статей / перев. с англ. А. С. Архипова. – Москва : Восточная литература, 2003. – 279 с.

References

1. Dmitrieva A. A. Index of plots and motifs of the Vilyui region. *Science and education*. 2007, no 2, pp. 197-200. (In Russ.)
2. Tolstaya S. M. The image of the world in text and ritual. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ., 2015, 528 p. (In Russ.)

3. Apresyan Yu. D. Studies in semantics and lexicography. Vol. 1. Paradigmatics. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ., 2009, 568 p. (In Russ.)
4. Meletinsky E. M. Poetics of myth. Moscow, Eastern Literature Publ., 2000, 407 p. (In Russ.)
5. Neklyudov S. Yu. Morphology and semantics of the epic beginning in the folklore of the Mongolian peoples. In: China and its surrounding areas: mythology, folklore, literature: in honor of the 75th anniversary of B. L. Riftin. Ed. by I. S. Smirnov. Moscow, RGGU Publ., 2010, pp. 185-198. (In Russ.)
6. Meletinsky E. M. Myth and historical poetics. Selected articles. Memories. Moscow, RGGU Publ., 2018, 695 p. (In Russ.)
7. Timofeev-Teplokhov I. G. Shrew Kulun Kullustuur. Olonkho. Ed. by A. S. Mirbadalev. Moscow, Main edition of Eastern Literature Publ., 1985, 608 p. (In Yakut and Russ.)
8. Satanar M. T. On the semantic interpretation of the epic formula “three Yakuts, four Yakuts.” *Oriental Studies*, 2019, no. 1, pp. 134-148. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-134-148. (In Russ.)
9. Ivanov V. V. Even and odd. Asymmetry of the brain and sign systems. Moscow, Soviet Radio Publ., 1978, 184 p. (In Russ.)
10. Kupriyanova, E. S. The symbolism of the image of the cuckoo in the Yakut and Bashkir epics (on the material of the olonkho “The Shrewd Kulun Kullustuur” and the kubair “Ural-batyr”). *Young scientist*, 2011, no. 8-31, pp. 24-27. (In Russ.)
11. Semenova L. N. The epic world of olonkho. Spatial organization and plot. Saint Petersburg, Petersburg Oriental Studies Publ., 2006, 232 p. (In Russ.)
12. Zhirkova E. E. Figurative vocabulary in the characterization of characters in northern olonkho. In: Ysyakh olonkho in Namsky ulus: revival, preservation and popularization. Collection of materials of the X Republican scientific and practical conference. Yakutsk, Media holding Yakutia Publ., 2019, pp. 52-56. (In Russ.)
13. Zhirkova E. E. Lexico-semantic features of the figurative vocabulary of the Yakut and Buryat languages. *World of science, culture and education*. 2020, no. 6-85, pp. 509-511. (In Russ.)
14. Anisimov R. N. Zoomorphic components in the composition of phraseological units of the Yakut language that characterize a person. *Siberian Journal of Philology*. 2016, no. 4, pp. 203-218. DOI: 10.17223/18137083/57/18. (In Russ.)
15. Gabysheva L. L. Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 143 p. (In Russ.)
16. Kuzmina A. A. Index of plot motifs of olonkho self-recordings (based on the work of S. S. Egorov). *Philology. Theory & Practice*. 2016, no. 3-57, pp. 30-33. (In Russ.)
17. Kulakovskiy A. E. Scientific works. Yakutsk, Book house Publ., 1979, 484 p. (In Russ.)
18. Gabysheva L. L. The symbolic meaning of metal names in the epic of the Yakuts and other Turkic peoples. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2012, no. 3, pp. 115-120. (In Russ.)
19. Nogovitsyn V. P., Solomonov N. G., Savvinov A. S. Natural-scientific view of the Yakut booth. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2015, no. 2, pp. 129-139. (In Russ.)
20. Petrova S. I. Folk costume of the Yakuts: historical, ethnographic and art history research. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013, 206 p. (In Russ.)
21. Karataev V. O. The Yakut heroic epic “Mighty Er Sogotokh”. Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Novosibirsk, Nauka, 1996, 440 p. (In Russ.)
22. Borisov Yu. P. Rhythmic-syntactic parallelisms in invariant olonkho texts. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2016, no. 3-03, pp. 24-33. DOI: 10.25587/SVFU.2016.3.10864. (In Russ.)
23. Gogolev A. I. The origins of mythology and the traditional calendar of the Yakuts. Yakutsk, Yakutsk University House Publ., 2002, 104 p. (In Russ.)
24. Tolstaya S. M. Semantic categories of the language of culture: essays on Slavic ethnolinguistics. Moscow, Librocom Publ., 2010, 368 p. (In Russ.)
25. Gabysheva L. L. The traditional picture of nature in olonkho: deep meaning. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2019, no. 3-15, pp. 78-87. DOI: 10.25587/SVFU.2019.15.36601. (In Russ.)
26. Oyunsky P. A. The Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content. Yakutsk, NEFU Publ. House, 2016, 120 p. (In Russ.)
27. Izbekova E. I. Numerals in olonkho: structure and semantics: monograph. Yakutsk, NEFU Publ. House. 2014, 152 p. (In Russ.)

28. Sagalaev A. M. Ural-Altaic mythology: symbol and archetype. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 155 p. (In Russ.)
29. Gavrilova R. S. Koumiss choron, Yakut myth and ritual. In: Language-myth-culture of the peoples of Siberia: a collection of scientific papers. Yakutsk, YaGU Publ., 1991, pp. 79-91. (In Russ.)
30. Gabysheva L. L. On the semiotic interpretation of choron functions. In: Folklore and modern culture. A collection of scientific papers. Yakutsk, SB RAS YAYALI Publ., 1991, pp. 115-119. (In Russ.)
31. Eliade M. Aspects of myth. Transl. from French V. P. Bolshakov. Moscow, Academic Avenue Publ., 2010, 256 p. (In Russ.)
32. Dantes A. Folklore: semiotics and / or psychoanalysis. A collection of articles. Transl. from Eng. A. S. Arkhipov. Moscow, Oriental literature Publ., 2003, 279 p. (In Russ.)